

Е.И. Нестерова

КОММЕРЧЕСКИЙ АГЕНТ ЯПОНИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ СЭВАКИ ХИСАТО: ЖИЗНЬ РАНГАКУСЯ В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА И НА ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (вторая половина XIX в.)

В статье на основании сведений, содержащихся в зарубежных источниках и литературе, реконструируется жизненный путь японского бюрократа-интеллектуала Сэваки Хисато, ставшего первым японским коммерческим агентом во Владивостоке. Микроисторический анализ дает возможность на примере жизни конкретного человека показать сложность той модернизации, которую переживала Япония накануне и во время реставрации Мэйдзи, а также позволяет сделать вывод о том, что с начала установления русско-японских дипломатических отношений Япония уделяла российскому Дальнему Востоку большое внимание, направляя сюда немногочисленных в те времена чиновников, знавших иностранные языки и особенности европейской культуры.

Ключевые слова: Российская империя, Япония, Дальний Восток, Дальний Восток России, Владивосток, русско-японские отношения, внешняя торговля, коммерческое агентство, коммерческий агент, Сэваки Хисато (Тэдзука Рицудзо).

В середине XIX в. США и Германия предприняли попытку открыть на Дальнем Востоке России свои консульства, но им удалось добиться лишь назначения в Николаевск-на-Амуре коммерческих агентов. Вопрос о дипломатических представительствах вновь возник в середине 70-х гг. XIX в. В 1875 г. Россия и Япония подписали Санкт-Петербургский договор, позволивший Японии иметь консула в Корсакове (Сахалин). Другим центром, привлечшим внимание иностранцев в этом регионе, стал Владивосток. Именно здесь в 1875–1876 гг. были открыты коммерческие агентства США,

Японии, Германии. Систематическая деятельность американского и немецкого коммерческих агентств была непродолжительной и, по всей видимости, окончилась к началу 80-х гг. XIX в. А вот начавшему работать в июне 1876 г. японскому коммерческому агентству была суждена долгая жизнь. Оно действовало непрерывно вплоть до начала Русско-японской войны и возобновило свою работу после ее окончания. До учреждения в 1907 г. во Владивостоке поста консула в должности императорского коммерческого агента побывало пять человек: Сэваки Хисато (1876–1878 гг.), Мацудайро Таро (1879–1881 гг.), Тэрами Киити (1881–1889 гг.), Футацубаси Кен (1889–1900 гг.), Каваками Тосицуне (1900–1904 гг., 1906–1907 гг.).

Открытию агентства предшествовала секретная миссия, направленная в 1875 г. японским МИДом во Владивосток, для изучения обстановки в порту, расположенном неподалеку от северных границ Страны восходящего солнца. Посол Японии в России Эномото Такэаки в памятной записке на имя министра иностранных дел писал: «Необходимо использовать любые возможности для открытия консульства в целях развития нашей торговли во всех портах Приамурского генерал-губернаторства, начиная с Камчатки. Если же это будет невозможно, то вполне приемлемо направить туда коммерческого агента»¹. Возглавил эту миссию ставший вскоре первым японским коммерческим агентом во Владивостоке Сэваки Хисато, известный также как Тэдзука Рицудзо (во избежание путаницы в статье используется последнее имя – Сэваки Хисато, хотя известно, что до начала 1860-х гг. он именовался Тэдзука Рицудзо, что соответствует японской традиции смены имен).

В последнее время среди историков наблюдается повышение интереса к региональным аспектам дипломатических отношений в конце XIX – начале XX в.² Настоящая статья представляет собой попытку восстановить основные вехи биографии первого японского коммерческого агента во Владивостоке Сэваки Хисато. Нам известна лишь одна японская книга, изданная в Токио в 1938 г., посвященная Сэваки и давно ставшая библиографической редкостью: «Тэдзука Рицудзо то Сэваки Хисато» автора Ивасаки Кацуми. Изучение его биографии именно в контексте развития российско-японских отношений важно и для того, чтобы исправить складывающееся ошибочное мнение, что японскими коммерческими агентами были купцы, занимавшиеся сбором информации для своего правительства³.

Сэваки Хисато, тогда еще Тэдзука Рицудзо, родился в восьмой день шестого месяца пятого года эпохи Бунсэй (25 июля 1822 г.) в деревне Суо, расположенной в княжестве Тёсю (восточная часть

префектуры Ямагути). Его отец, врач Тэдзука Харутака, принадлежал к самурайскому сословию, мать происходила из рода Сэваки.

Детство и юность Сэваки пришлось на сложный период последних десятилетий правления сёгуната Токугава, когда двухсотлетняя самоизоляция подходила к концу. В XVIII в. интерес к европейской науке и культуре оформился в направление, получившее название «рангаку» (голландская наука). В 1720 г. сёгун Токугава Иосимунэ позволяет чтение книг, ранее запрещенных в Японии, но не содержащих описание христианской доктрины; в 1740 г. двум ученым, Норо Гэндзё (1693–1761) и Аоки Конъё (1698–1769), было разрешено изучение голландского языка. Несмотря на трудности, к началу XIX в. в разных уголках Японии были люди, изучавшие «голландскую науку» (рангакуся). В конце XVIII – начале XIX в. некоторые крупные даймё в своих княжествах оказывали ученым-голландоведам покровительство, поддерживая их интерес к европейским достижениям.

Однако главными городами изучения рангаку являлись Нагасаки, так как это было единственное место, откуда в Японию могли проникнуть голландские книги⁴, и Эдо (Токио). В возрасте 16 лет Сэваки отправляется в Нагасаки, где приступает к изучению голландского языка под руководством Такасима Сюхан (1798–1866), известного своими убеждениями: чтобы противостоять Западу, нельзя отставать от него в области вооружения. Такасима, ставший создателем японской артиллерийской школы, интересовался огнестрельным оружием и, ориентируясь на иностранные образцы, пытался создать собственное. В его школе ученики, присланные из разных княжеств (преимущественно Сацума, Сага, Тёсю), изучая голландский язык, занимались переводом книг, посвященных производству вооружения, тактике ведения боя.

Отметим, что 40-е гг. были не самым хорошим временем для приобщения к европейской науке в Нагасаки. Инцидент Зибольда (1829 г.) и события 1839 г. (банся но гоку) ухудшили общий климат в отношении изучения европейских знаний. После удачной демонстрации возможностей европейской артиллерии и маневров в Токумаругахара начались черные дни и у учителя Сэваки. По доносу в октябре 1842 г. Такасима был арестован и обвинен в подготовке заговора. Несколько лет он провел в тюрьме, а с 1846 по 1853 г. – под домашним арестом. По всей видимости, в связи с этими событиями Хисато в 1842 г. покидает Нагасаки и отправляется в Эдо. С 1842 по 1846 гг. он посещает школу известного медика рангакуся Цубой Синдо (Цубой Нобумити) (1795–1848), учениками которого были Сугита Сэйкэй, Огата Коан, Кавамото Комин.

Нам точно неизвестно, где находился Сэваки в 1846–1850 гг. Вероятнее всего, он вернулся в Нагасаки и продолжил обучение в школе Такасима Асагоро, сына Такасима Сюхан. Именно в это время в Нагасаки Сэваки совместно с Осима Такато (1826–1901), будущим «отцом» японской черной металлургии, самураем из клана Намбу, перевел на японский язык книгу голландца У. Хугуенина (1755–1834), подробно описывавшую процесс выплавки чугуна⁵.

За годы обучения Сэваки овладел не только распространенным среди рангакуся голландским, но и редким в Японии английским языком. Изучение и популяризация европейских знаний стали делом его жизни.

Явным признанием успехов Сэваки на этом поприще стало его приглашение в княжество Сакура от влиятельного даймё Хотта Масаёси (1810–1864). Хотта еще в начале 30-х гг. приступил к созданию в Сакуре центра изучения западных наук. В 1835 г. он основал медицинскую школу, в которой работал известный медик-рангакуся Мицукури Гэмпо и где среди других предметов изучались приемы западной медицины. В середине 40-х гг. Хотта открыл первую в Японии медицинскую академию, где преподавались только европейские медицина и хирургия. Возглавить ее был приглашен известный рангакуся из Эдо Сато Тайдзэн (Вада) (1804–1872)⁶. В 1850 г. в Сакуру приезжает Сэваки. Пробыв там несколько лет, он возвращается в Эдо и открывает в 1853 г. частную школу, в которой дает желающим уроки английского и голландского.

К началу периода бакумацу (1853–1869), характеризовавшегося тем, что, с одной стороны, у Японии, вынужденной прервать самоизоляцию, резко выросло число контактов с иностранцами и увеличилась потребность в европейских знаниях, с другой – наблюдался всплеск ксенофобских настроений, все большую роль центра изучения рангаку и ёгаку (европейской науки) стал играть Эдо. В обществе существовал устойчивый интерес к европейским достижениям. Ключом к ним было знание иностранных языков. Фукудзава Юкити в своей «Автобиографии» вспоминал, что в то время частные школы в Японии были «домашними школами», в которых группа студентов собиралась в доме учителя. Многие ученики были, как и сам Сэваки, самурайского происхождения, имели хорошее классическое образование и сделали в будущем блестящую карьеру. Так, Нисимура Сигэки (1828–1902), земляк Сэваки, будучи самураем высшего ранга и крупным чиновником, изучал голландский язык, а в 1861 г. взялся за освоение английского. Цуда Сэн, выходец из Сакура, учивший под началом Сэваки голландский язык, стал основоположником современной агрономии в Япо-

нии⁷. Дж. Фишер среди его учеников называет Суги Кодзи, Канда Кохэй (Канда Такахира), Ниси Аманэ⁸.

В 1856 г. Сэваки Хисато стал чиновником бакуфу. В то время ученые, занимавшиеся «западными штудиями» в столице, могли найти себе применение на «государственной службе» преимущественно в одном из двух ведомств бакуфу – Гайкокугата (своего рода МИД) и Бансё сирабэсё (Центр изучения варварских книг). Именно в Бансё сирабэсё с февраля 1856 г. и стал служить Сэваки Хисато.

Интересна история создания этого заведения. В 1855 г., спустя два года после прибытия командора Перри, правительство открыло в Эдо Ёгакусё (Центр западных исследований), содержавшийся за счет средств бакуфу. Основной задачей сотрудников центра, работавших под руководством Кога Кинъитиро, был перевод иностранных книг и документов. В феврале 1856 г. функции этого заведения расширились, а название изменилось. Учреждение, называемое теперь Бансё сирабэсё, не сбрасывая со счетов необходимость практического перевода, было нацелено на изучение языков, для того чтобы быстро переводить материалы, которые могли быть полезны, с акцентом на книгах, посвященных вооруженным силам, военному делу, географии и технологиям производства⁹. Как отметил Д. Хоммис, у этого учреждения была тройная цель: перевод, внедрение европейских достижений, контроль¹⁰.

Бансё сирабэсё создавалось как школа для обучения и подготовки прямых слуг бакуфу (бакусин), но в 1858 г. в нее стали принимать и байсин – вассалов дайме, хатамото и гокэнин, а в 1863 г. она стала доступна для выходцев из любых княжеств Японии¹¹.

Процедура отбора кандидатур будущих преподавателей была непростой. Два чиновника бакуфу, Мицукури Гэмпо и Кацу Кайсю, независимо друг от друга составили списки ученых, сведущих в западной науке и проживавших в Эдо. Эти документы они передали Коге, а после его одобрения бумаги были отправлены чиновникам, в чью компетенцию входила выработка правил существования нового заведения¹².

В итоге для работы в качестве учителей пригласили 15 блестящих «голландоведов» из различных княжеств, в числе которых были Мицукури Гэмпо, Сугита Сэйкэй, Кавамото Комин, Мацуки Коан. Сэваки Хисато из Сакуры также попал в число избранных¹³.

Преподаватели в основном были выходцами из самурайского сословия, шестеро (больше трети) специализировались на медицине. Двое – Мицукури Гэмпо и Сугита Сэйкэй – заняли высшую ступень в иерархии, став профессорами. Профессора занимались исследова-

ниями и периодически читали лекции; кроме того, они контролировали деятельность всего педагогического персонала. Шестеро, в том числе и Сэваки, стали преподавателями, пятеро были приняты инструкторами более низкого ранга. Именно на преподавателей и инструкторов ложилась основная тяжесть нагрузки: ежедневная работа со студентами, перевод книг и документации, присланной бакуфу. Особенностью этого заведения стала выплата зарплаты преподавателям. Так, Сэваки получал 15 рё (в 1862 г. один рё соответствовал годичной норме риса, потребляемой одним человеком¹⁴).

Преподаватели Бансё сирабэсё периодически получали задания по переводу дипломатических документов. Так, Ниси Аманэ переводил документы, оставленные русским кораблем, появившимся на Хоккайдо, договор между Китаем и Британией. Такие разовые поручения давались часто. Помимо дипломатических документов переводили газетные заметки. Сэваки занимался переводом новостей из газет на голландском языке. Параллельно с основной работой не прекращались и научные изыскания. В 1859 г. он совместно с Ниси Аманэ опубликовал первую в Японии грамматику английского языка¹⁵. Выполняли преподаватели Бансё сирабэсё и практические задания. Когда прусский посланник подарил бакуфу телеграфное устройство, то перед Като была поставлена задача отправиться в резиденцию европейского дипломата и научиться пользоваться этим чудом техники. Другой преподаватель, Итикава Канэясу, должен был изучить западную технологию печати газет¹⁶.

Несмотря на то что Бансё сирабэсё был ориентирован на технологическую и военную экспертизу, здесь не только переводили книги и статьи, касавшиеся западной технологии и военного производства, но и начали перевод работ по гуманитарным и социальным дисциплинам¹⁷. Бансё сирабэсё стал первым институтом ёгаку, в котором обучали западным техникам живописи.

По мере развития дипломатических отношений с другими государствами становилось понятно, что голландский язык в качестве основного изучаемого языка не удовлетворяет потребностям развития страны. Важные дипломатические вопросы приходилось решать с англоговорящими странами и Россией, немецкий и французский также стали необходимы для дипломатических контактов¹⁸.

Первое японское посольство в Америку возвращалось, везя в багаже книги по разным отраслям знания, то же самое можно сказать о японских делегациях, побывавших в начале 60-х гг. XIX в. в Европе. В 1860–1867 гг. правительство бакуфу направило за границу семь посольств. Первое посольство (более 90 человек) было

направлено в США, второе – в Европу, третье – во Францию, четвертое – в Англию, пятое – в Россию, шестое – снова во Францию, седьмое – в США. В связи с этим Японии стали остро необходимы переводчики не только с голландского, но и с английского, немецкого, французского, русского языков. В ответ на этот запрос в 1862 г. произошла очередная трансформация Бансё сирабэсё, теперь оно стало называться Ёсё Сирабэсё (Центр изучения западных книг). В том же году был получен приказ о начале преподавания немецкого языка, и немецкий стал частью программы. В 1863 г. вывеска учреждения вновь изменилась: двери для студентов и преподавателей распахнуло Кайсэйдзё. В 1864 г. Кайсэйдзё состояло из пяти департаментов: голландского, английского, французского, немецкого и русского. В каждом отделении велась работа по девяти направлениям: астрономия, геология, физика, математика, сельское хозяйство, химия, механика, рисование и печать.

В Кайсэйдзё Сэваки Хисато продолжил работать в качестве преподавателя английского языка. Он и его коллеги по департаменту Тимура Горо и Хори Тацуносукэ заложили фундамент научного систематического изучения английского языка в Японии, равно как Мураками Хидэтоси, Хаяси Сёдзюро, Кобаяси Тэйсукэ – французского, Итикава Ицуки и Като Хироюки – немецкого¹⁹.

Несмотря на работу в государственном учреждении (Бансё сирабэсё и Кайсэйдзё были государственными учреждениями, призванными аккумулировать знания для реализации курса «процветание страны и укрепление армии»), в начале 60-х гг. заниматься ёгаку было небезопасно. Осложнение внутривосточного климата, произошедшее после заключения ансэйских договоров, привело к росту антиевропейских настроений. Консерваторы, возмущенные содержанием договоров, обрушили свой гнев не только на иностранцев, но и на ученых ёгаку, посчитав их «предателями». Кикиути Дайроку, внук Мицукури Гэмпо, вспоминал, что его дед получал письма с угрозами расправы. В начале 1860-х гг. Сэваки во время посещения представительства клана Тёсю сделал несколько замечаний по внешней политике. Молодой самурай, приняв его за сторонника политики «открытых дверей», внезапно бросился на него. Сэваки пришлось спасаться бегством. Преследуемый группой молодых людей, размахивающих мечами, он вынужден был прыгнуть в ров с холодной водой, окружавший замок Эдо, в котором чуть не утонул²⁰.

Таким образом, Сэваки входил в круг немногочисленных японских бюрократов-интеллектуалов, как назвал их Т. Хэйвенс, реализовавших свой интерес к достижениям западной цивилизации,

находясь на службе у правительства бакуфу, а позже – императора Мэйдзи. Подобно предшествующему поколению японских ученых, изучавших Запад, они служили бакуфу как советники и переводчики, но в своем понимании западной культуры намного опередили предшественников, которые были не более чем техническим персоналом. Вместе практически со всеми японскими интеллектуалами они поняли необходимость «обогатить страну и укрепить армию», ту интенцию, которая была превращена в лозунг революции, последовавшей за Реставрацией²¹. Вопрос о том, какую позицию занял Тэдзука во время свержения правительства бакуфу, остается открытым.

По всей видимости, Кайсэйдзэ было закрыто в течение двух лет. В своей автобиографии Фукудзава Юкити пишет: «Не было никого в нашей стране, кто провел бы это время, спокойно читая книги. Кайсэйдзэ, основанный сёгунатом Токугава, был закрыт, и здание его лежало в руинах. Многие последователи ёгаку, жившие в Эдо, разбросаны кто туда, кто сюда, и их местонахождение было неизвестно»²².

Разные группы интеллектуалов-чиновников, в том числе и знакомые Сэваки, продемонстрировали различные стратегии поведения в момент смены власти. Канда Такахира с самого начала пошел служить новому правительству, но при этом сочувствовал позиции Кэйки. Като Хироюки считал безнадежными усилия сёгуна по созданию совета даймё после Реставрации. Фукудзава Юкити остался нейтральным, так как не мог выбрать ни одну из сторон²³. Ниси Аманэ и Суги Кодзи вместе с членами дома Токугава отправились в ссылку в провинцию Сидзуока, где они находились до того момента, пока не были призваны в столицу новым правительством²⁴. Сэваки в мае 1871 г. поступил на службу во внешнеполитическое ведомство. Д. Стефан упоминает о том, что он занимался журналистикой и был соучредителем газеты «Ёмиури симбун»²⁵. Известно, что Сэваки Хисато был дружен с такими видными политиками, как Хакубун Ито (Ито Хиробуми) и Каору Иноэ, также уроженцами провинции Суо.

Анализируя позицию интеллигентов-бюрократов, Т. Хэйвенс отмечает, что они не демонстрировали тот или иной тип поведения (лояльность или нелояльность к бакуфу или трону). Их отношение в значительной степени определял личный интерес, который в обязательном порядке имел общую для всех составляющую – желание продолжить изучение и распространение западной культуры. Вскоре после 1868 г. большинство присоединилось к движению за восстановление власти императора и работало на идею, разделяемую почти всеми политическими силами, – усиление нации²⁶. Фукудзава Юкити отмечал: «Сегодня большинство последователей

ёгаку в нашем обществе получило государственные должности, некоторые из них работают конфиденциально. Причина кроется не столько в желании большего дохода, но и из-за врожденной склонности, поддержанной их образованием, к получению официального статуса, представления, что никакая стоящая работа не может быть осуществлена вне рамок правительства»²⁷.

О личной жизни Сэваки нам известно немного. Будучи в Сакуре, он женился на девушке по имени Ёсино, у него родились две дочери – Томико и Ёсико. В июне 1872 г. Сэваки выдал замуж свою старшую дочь. Ее супругом стал Такаки Канэхиро (Такаки Кэнкан) (1849–1920), военно-морской хирург, изучавший западную медицину. Младшая вышла замуж за Тоёдзуми Хидэката (1845–1900), впоследствии ставшего начальником медицинской службы японского флота. В 1874 г. у Сэваки Хисато появился первый внук – Ёсихиро²⁸, а в 1875 г. у Ёсико родилась дочь Тоёко.

Во Владивосток Х. Сэваки впервые попал по заданию МИДа весной 1875 г., отправившись 16 апреля 1875 г. из порта Нагасаки на русском военно-морском транспортном судне «Японец». По всей видимости, выбор фигуры Сэваки Хисато был неслучаен. Отправляя в начале 70-х гг. XIX в. многочисленные делегации в европейские страны, японское правительство стремилось включать в их состав людей, владевших иностранными языками и разбиравшихся в особенностях жизненного уклада на Западе. Командировка продолжалась чуть меньше месяца. Во Владивостоке Сэваки познакомился с несколькими японцами, среди которых были Кюдзо из Ното (префектура Исикава), Тёкити из Акита, проживавшими в городе с 1868 г. Особенно подружился Сэваки с Кюдзо, приехавшим во Владивосток после побега с иностранного китобойного судна²⁹. Помощь «старожилов» позволила Сэваки собрать обширный материал, позже обобщенный в докладной записке «Журнал наблюдений о Владивостоке» («Урадзивасутоку кэмбундзасси»), впервые представившей на японском языке информацию об условиях жизни во Владивостоке.

Оценив владивостокский рынок сбыта, он нашел его очень выгодным, так как цены на товары в четыре-пять раз превышали японские. Определился он и с ассортиментом, назвав в качестве товаров первой необходимости рис, кирпич, соль, каменный уголь, известь, ячменную муку, лесоматериалы для хозяйственных нужд. Сэваки высказался за развитие японской розничной торговли, хотя и видел сложность развития этого дела из-за отсутствия регулярного морского сообщения с Японией. «Если через каждые 1–2 месяца не будет приходить японский пароход, сообщение с Японией станет недостаточным, – писал он. – Поэтому, если решиться на отправку,

например, торгового судна компании “Мицубиси” и быть готовыми в течение первого года к убыткам, то вполне очевидно, что через несколько лет доходы компании начнут расти»³⁰.

Оказавшись в России, Сэваки сосредоточил свое внимание не только на торговых проблемах, но и занялся анализом региональной ситуации в целом. Учитывая усиление России на Тихом океане, особое внимание он уделил важности Кореи в обеспечении безопасности Японии.

В апреле 1876 г., вскоре после заключения договора в Кангхва, увидела свет книга, материал для которой собирался во Владивостоке, – «Краткое описание Кореи» (“Keirin Jiyaku”). По сути, эта работа стала первым научным японским исследованием современного типа о Корее. В книге дано систематическое описание Кореи: география, население, правительство, язык, обычаи, валюта, единицы мер и весов, вооруженные силы, налоговая система и т. д.³¹ Как отмечает Л. Бабич, до выхода в свет «Краткого описания Кореи» и «Описания Кореи» Эномото Такэаки, если бы потребовалось подобрать одно-единственное слово, характеризующее знания японцев о современной им Корее, то этим словом было бы «неосведомленность»³². Осознание важности стратегического положения Корейского полуострова в новых геополитических условиях породило потребность в современных, объективных и подробных описаниях Кореи.

Летом 1876 г. Сэваки в сопровождении переводчика Мороока вновь приехал во Владивосток, но уже в должности коммерческого агента. Владивосток, несмотря на статус главной российской военно-морской базы на Тихом океане, был небольшим городом (в 1879 г. население Владивостока составляло всего 8837 человек³³), в котором проживало 50 японцев.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, разъясняя статус коммерческого агента, отмечал, что он служит «посредником между японскими подданными и нашими местными властями» и не пользуется теми «правами и полномочиями, какие присвоены должности консула», т. е. его деятельность не носит официального характера³⁴. Однако вскоре стало ясно, что японское коммерческое агентство не только присвоило себе исполнение функций консульских учреждений, но одновременно с этим стало играть роль опорного пункта для японских разведывательных служб³⁵.

На должности коммерческого агента Сэваки Хисато находился около двух лет. В 1878 г. он заболел и умер 29 ноября на судне, возвращавшемся в Японию³⁶. Похоронили его в Токио, в районе Аояма, на первом в Японии муниципальном кладбище, где находятся могилы многих известных людей.

Сэваки Хисато принадлежал к тем людям, которые, если воспользоваться терминологией А. Тойнби, составляют «творческое меньшинство», готовое дать адекватный ответ на любой «вызов». Он принадлежал к той плеяде ученых, которые на протяжении нескольких поколений занимались изучением секретов чужой цивилизации для того, чтобы обеспечить усиление и процветание родины. Именно стараниями Сэваки и ему подобных были заложены основы новой модернизированной Японии.

Примечания

- ¹ Полутов А.В. Деятельность японской разведки во Владивостоке (1875–1902 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 215.
- ² См.: Иконникова Т.Я. Оформление отношений с консульским корпусом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908–1912) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 26–34; Полутов А.В. Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 100–106; Синиченко В.В., Семенов В.А. Открытие консульств в Восточной Сибири // Восток. 2011. № 6. С. 39–45; Синиченко В.В. Открытие зарубежных консульств в Сибири и на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. по документам Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 108–120; Кириченко Е.Б. Российский дипломатический представитель в Хакодате А.Э. Оларовский (1870–1874 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 49–56.
- ³ Белоус Б.С. Деятельность японских императорских коммерческих агентов и консулов в Приамурском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Морского государственного университета. 2006. Вып. 11. С. 316.
- ⁴ Jannetta A. The Vaccinators: Smallpox, Medical Knowledge, and the “Opening” of Japan. Stanford, CA, 2007. P. 114–115.
- ⁵ См.: Iida Kenichi. Origin and development of iron and steel technology in Japan // The Japanese Experience, Human and Social Development Programme. Tokyo, 1980. P. 34; Wittner D.G. Iron and silk: Progress and ideology in the technological transformation of Japan, 1850–1895: Ph.D. dissertation. Ohio, 2000. P. 118.
- ⁶ См.: Okuma Shigenobu. Fifty years of new Japan. Vol. 2. L., 1909. P. 145; Jannetta A. Op. cit. P. 115.
- ⁷ Yoshiko Furuki. The white plum, A Biography of Ume Tsuda: Pioneer in the higher education of Japanese women. Weatherhill, 1991. P. 13.
- ⁸ Fisher J.K. The Meirokusha. University of Virginia, 1974. P. 33.
- ⁹ Hommes J.M. The Bansho Shirabesho: A transitional institution in bakumatsu Japan: Degree of Interdisciplinary Master of Arts in East Asian Studies. Pittsburgh, PA, 2004. P. 29.
- ¹⁰ Ibid. P. 41.

- ¹¹ Ibid. P. 39, 59.
- ¹² Ibid. P. 29.
- ¹³ *Ida Yoshiharu*. Growth and development of western learning in Japan: mainly from Dutch to English Studies // *Acta Asiatica*. 1982. № 42. P. 51.
- ¹⁴ *Леуценко Н.Ф.* Из самураев в купцы: история торгового дома Накаи // *История и современность*. 2008. № 1. С. 82.
- ¹⁵ *Fisher J.K.* Op. cit. P. 37.
- ¹⁶ *Hommes J.M.* Op. cit. P. 44–45.
- ¹⁷ Ibid. P. 46.
- ¹⁸ *Jiro Numata*. Western Learning. A Short History of the Study of Western Science in Early Modern Japan. Tokyo, 1992. P. 155.
- ¹⁹ *Ida Yoshiharu*. Op. cit. P. 52.
- ²⁰ *Yoshiko Furuki*. Op. cit. P. 14.
- ²¹ *Havens T.R.H.* Scholars and Politics in Nineteenth-Century Japan: The Case of Nishi Amane // *Modern Asian Studies*. 1968. Vol. 2. № 4. P. 318.
- ²² *Hommes J.M.* Op. cit. P. 87.
- ²³ *Havens T. R.H.* Op. cit. P. 318.
- ²⁴ *Marshall B.K.* Academic Freedom and the Japanese Imperial University, 1868–1939. Berkeley, CA, 1992. P. 27.
- ²⁵ *Stephan J.J.* The Russian Far East: A history. Stanford, CA, 1994. P. 333.
- ²⁶ *Havens T.R.H.* Op. cit. P. 320–321.
- ²⁷ *Hommes J.M.* Op. cit. P. 88.
- ²⁸ *Yoshinori Itokawa*. Kanehiro Takaki // *Founders of nutrition science: Biographical articles from the Journal of nutrition, volumes 5–120, 1932–1990*. Bethesda, MD, 1992. P. 586.
- ²⁹ *Тамура Айка*. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. С. 35–36.
- ³⁰ *Аленко Н.А.* Экономическая политика Японии в конце XIX в. и Дальневосточный регион России // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. № 1. С. 85.
- ³¹ *Babicz L.* Korea in the Realm of Reality: The 1876 Japanese Journalistic Reports and the Meiji Origins of Modern Korean Studies // *Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures: Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies*. Seoul, July 2002. Seongnam, 2002. P. 1423.
- ³² Ibid.
- ³³ *Кириллов А.* Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894. С. 103.
- ³⁴ *Васкевич П.* Очерк быта японцев в Приамурском крае // *Известия Восточного института*. Т. 15. Владивосток, 1906. С. 12.
- ³⁵ *Полутов А.В.* Указ. соч.
- ³⁶ *Babicz L.* Op. cit. P. 1423.